

© 2000

Чурюмов С. И.

Тип и характер

Анализируются понятия типа и характера в психологии, критикуется чрезмерный эмпиризм некоторых типологий, обосновывается соотношение между понятиями тип и характер, как ортогональными друг другу.

Ключевые слова: соционика, тип, характер, психологический признак, модель, полнота типологии, независимость её элементов.

Если задать наивный вопрос — какая тема в современной психологии является самой важной, той, на которую работают все её остальные разделы, которая является выходным продуктом всех разработок в психологии и которая одновременно является наиболее популярной, то, на мой взгляд, ответ здесь должен быть — учение о характере человека.¹ В конце концов, для человека нет ничего важнее человека и характера человека. Характер человека является одним из важнейших ориентиров, который обеспечивает эффективное функционирование человека среди людей. Наряду с понятием характера в психологии широко используется понятие психологического типа, и на интуитивном уровне есть ощущение, что эти два понятия глубоко связаны между собой, но каково их действительное соотношение?

Другими словами, тип и характер в психологии — это одно и то же или за этими терминами стоят различные понятия? А если различные, то какие именно?

Начнем с определений. В справочниках по психологии можно встретить, например, такое: «характер представляет собой индивидуальное сочетание устойчивых психических особенностей человека, обуславливающее типичный для данной личности способ поведения в определенных жизненных условиях и обстоятельствах» [3]. Похоже, что в этом определении термин «типичный» используется как синоним термина «характерный» и служит заменой его во избежание тавтологии. Однако, если обратиться к греческому слову *character*, то оно означает «черта, особенность», а в справочнике по логике приводится следующее определение понятия характер: *совокупность устойчивых отличительных признаков предмета, явления, которые кладутся в основу характеристики*. Характеристика же — это один из приёмов ознакомления с предметом в тех случаях, когда определение понятия невозможно или не требуется. В характеристике указываются какие-либо заметные *признаки*, имеющие определённое значение. Характеристика может быть полной и неполной, правильной и неправильной, положительной и отрицательной, всесторонней и односторонней, но одно качество, которое должно быть присуще любой характеристике — это объективность [6].

Тип — образец, который выражает общие, существенные черты определенной группы предметов, явлений; форма, вид, модель, которой соответствует определенный класс объектов. В литературе, искусстве — образ, воплотивший в себе общие, характерные (подчеркнуто мною — С.Ч.) социальные черты какой-нибудь определенной части конкретного коллектива (группы, класса)... [6]

Сравнивая определения можно заметить, что в определении характера используется термин «типичный», а в определении типа — термин «характерный», откуда можно сделать не строгий вывод о том, что в качестве общенаучных эти термины воспринимаются как очень близкие. Вдумаемся в смысл этих определений: «типичный» — это повторяющийся, присутствующий во всех случаях, «характерный» — это имеющийся только у выбранного элемента или образца.

Такие рассуждения наводят на мысль, что *характер* выделяет личность конкретного человека среди других людей, указывает на то, что есть в человеке особенного, а не на то, что объединяет его с другими людьми, как это должно быть в случае принадлежности человека к определенному *типу* людей.

¹ Статья написана в 1989 году для Новосибирского сборника, который, по неизвестным мне причинам, не вышел. О работе Г. Р. Рейнина автор тогда ещё не знал, поэтому её нет в списке использованной литературы.

Так что, когда эти два понятия стоят рядом в одном контексте, то их можно различить, связав характер с индивидуальными особенностями личности, то есть с тем, что указывает на различия между людьми, а понятие типа с тем, что выделяет общее у разных людей.

Характер указывает на индивидуальные различия, а тип — на индивидуальные «сходства». Характер выявляет **отличия** данного человека от других, а тип, напротив, выделяет **общие** признаки, согласно которым человека относят к определенной группе людей. Уже отсюда можно сделать вывод, что могут существовать люди с одинаковым типом и разными характерами, и, напротив — люди с одинаковым характером, но относящиеся к различным типам. Например, два истерика, но один «эксплозивный» (взрывчатый), а другой демонстративный со склонностью к хвастовству и сочинению несуществующих историй. Или два тихих, покладистых, застенчивых человека, но один из них по типу психастеник¹, а другой лабильный².

В просторечии, спрашивая о *характере* человека, часто удовлетворяются очень простым ответом. На вопрос: «Какой у него характер?», можно услышать в ответ — хороший, нормальный, так себе, лучше не связываться или что-нибудь в этом роде. Более распространенный ответ мог бы звучать так: «Характер у него решительный, настойчивый» или «Он человек спокойный, рассудительный». Если в первом случае попросить добавить что-нибудь ещё, то вполне вероятно, можно будет услышать «умеет добиться своего», а во втором случае, например, «уравновешенный», но конечно и не только это. Вполне можно представить, как выглядит человек настойчивый, но нерешительный, или спокойный, но неуравновешенный. Часто между характеризующими понятиями могут быть глубокие корреляции. Они могут быть синонимичны, дополнять друг друга или быть несовместимыми.

Например, сочетание вроде «он веселый, но жестокий» воспринимается напряженно, поскольку семантическое поле «веселости», по-видимому, не предполагает негативных оттенков, хотя можно представить ситуации, в которых такое сочетание слов будет оправдано.

В других случаях можно услышать характеристику, построенную на контрасте, где два определения соединены союзом «но»: «Она добрая, но очень легкомысленная» «Она добрая, но вредная», «Он дисциплинированный, но крайне жестокий» или «Он очень хороший специалист, но пьяница». Идёт ли здесь речь о двух сторонах одного и того же человека или это просто способ описания чего-то единого, для которого у нас просто нет точного слова? Человек единое целое или подобен мозаике? Стоит ли за мозаикой проявлений одного и того же человека что-то единое, цельное? Чем, в конечном счёте, все эти проявления определяются, или человек — это набор разрозненных качеств, которые как-то в нем совмещены и которые в той или иной последовательности включаются подходящими условиями внешней среды?

Много сказано такой характеристикой о человеке или мало? Исчерпали ли мы таким ответом всю полноту конкретной личности? Можно ли из такой минимальной характеристики вывести всё множество поведенческих фактов, на которые способен данный человек? Интуитивно на этот вопрос легко ответить отрицательно. Но с логической точки зрения такой ответ нуждается в скрупулезном научном анализе, хотя бы потому, что понятия, характеризующие человека, могут иметь очень разные объёмы. В одних случаях это будут, хотя и существенные, но частные черты и особенности, которые можно интерпретировать вполне однозначно, а в других случаях — это ёмкие характеристики, из которых можно делать далеко идущие выводы: «героическая личность», «бессребреник», «законченный негодяй».

Понятно, что характеристику человека можно сделать весьма распространенной — вспомним «характер нордический, в порочащих связях не замечен...»

Характер можно определить и как совокупность психических особенностей личности, и как совокупность реакций человека на стимулы, предъявляемые ему средой в процессе

¹ *Психастенический* тип отличается повышенной тревожностью, мнительностью, склонностью к сомнениям, ему очень трудно принять какое-нибудь окончательное решение, и поэтому он тщательно обдумывает свое поведение, взвешивает каждый шаг, многократно перепроверяет и переделывает уже законченную работу.

² *Лабильный* тип отличается изменчивостью настроения, иногда даже незначительные события оказывают на него существенное влияние, малейшая неприятность способна погрузить его в мрачное переживание, а приятные события или даже только их перспектива способны поднять настроение, вернуть веселье и веру в жизнь, от текущего настроения зависит всё — самочувствие, работоспособность, планы на будущее, отношение к другим людям

жизнедеятельности, и как совокупность устойчивых поведенческих особенностей личности, и как множество психических признаков конкретной личности... Эти определения характера во многом эквивалентны. В этой статье мы будем понимать под **характером** — **уникальное сочетание психологических черт, присущих конкретному человеку**, а под **типом** — **обобщенную характеристику большой группы людей**, каждый из которых, хотя и отличается от других в деталях, но в то же время имеет определённое количество сходных с ними поведенческих особенностей.

Проблемы, связанные с типом и характером, по-видимому, представляли для людей интерес с незапамятных времен, и каждая эпоха давала свой ответ на вопросы, связанные с такими проблемами. Вспомним хиромантию, графологию, физиогномику, астрологию и другие древние науки. Однако и до настоящего времени указанные проблемы нельзя считать полностью решёнными.

К началу XIX века психология, в особенности клиническая, накопила большое количество сведений о психических проявлениях человека и о различиях между психической нормой и патологией. На этой основе многие психологи и психиатры предприняли различные попытки обобщения психологического опыта. Среди них одним из первых можно назвать Э. Э. Кречмера, австрийского психиатра, много и плодотворно работавшего в клинике. По-видимому, ему первому принадлежит идея о наличии сходства между патологическими симптомами и типичным поведением людей в норме. Он пришел к выводу, что такие различия имеют в основном количественный характер и что за ними стоят сходные психические или конституциональные факторы, по отношению к которым он применял термин «радикалы» [1]. Чтобы обозначить степень проявления конституционального радикала, Э. Кречмер использовал суффиксы «тимность» для уровня нормы, «оидность» для пограничных состояний и соответствующий психиатрический термин для патологии. Так, радикал, отвечающий за психические проявления эпилептика, в норме обуславливает поведение эпитимика, здорового в психическом отношении человека, но характеризующегося относительной серьезностью, требовательностью, приверженностью к порядку и дисциплине. Если же степень проявления этого радикала выводит человека на грань между болезнью и здоровьем, такой человек характеризуется как эпилептоид и отличается повышенным застреванием в деталях, вязкостью жизненных привычек, взрывчатостью.

Аналогично дело обстоит, например, с радикалами «шизо» и «цикло». В последнем случае, у циклоида, настроение меняется со значительно большей амплитудой, чем у циклотимика, но всё же не доходит до тех пределов, которые можно наблюдать в случае маниакально-депрессивного психоза. Исходя из сказанного, можно констатировать, что Э. Кречмеру удалось установить некоторые психические инварианты, связывающие норму и патологию.

В дальнейшем, развивая идеи Э. Кречмера, немецкий психиатр К. Леонгард предложил десять акцентуаций психической сферы, представления о которых он использовал в своей клинической практике для лечения пограничных между нормой и патологией состояний.

Независимо от К. Леонгарда, но также опираясь на достижения психологии и психиатрии, американские психологи из Миннесоты С. Хатуэй и Дж. Маккинли разработали многопрофильный психологический тест, в основу которого были положены клинические представления о типах психопатий, которые они интерпретировали как *синдромы дисгармонического развития* личности. Этот тест широко применялся как в работе с больными, так и в работе со здоровыми людьми, которые на основании этой методики могли получать большое количество рекомендаций, связанных с различными сторонами жизнедеятельности, например, с профориентацией. Однако выбранные ими десять психологических категорий в основном не совпадали с теми, которые положил в основу своей системы акцентуаций К. Леонгард.

В России аналогичная работа была проделана в лаборатории А. Личко. Правда, она была направлена на диагностику типа психопатий и акцентуаций у подростков, но могла быть использована и для работы с взрослыми. И в этом случае, несмотря на практическую тождественность объектов исследования, работа велась с тем же множеством психических симптомов, — в качестве базового было выбрано множество психических категорий, отличающихся как от тех, что выбрал К. Леонгард, так и от тех, что использовались в ММРІ.

В работе [8] данные по трём упомянутым выше подходам к оценке психологического статуса личности сведены в следующую таблицу (табл.1). Здесь в одну строку попали те категории, за которыми стоят сходные или эквивалентные описания в виде совокупности психических симптомов.

Таблица 1.

	ММРІ	К. Леонгардт	А. Личко
1.	Ипохондрия	—	Астено-невротический тип
2.	Депрессия	Дистимический тип	—
3.	Истерия	Демонстративный тип	Истероидный тип
4.	Психопатия	—	Неустойчивый тип
5.	Женственность	—	—
6.	Паранойяльность	Застревающий тип	—
7.	Психастения	Педантичный тип	Психастенический тип
8.	Шизоидность	—	Шизоидный тип
9.	Гипомания	Гипертимический тип	Гипертимный тип
10.	Интроверсия	—	—
11.	—	Возбудимый тип	Эпилептоидный тип
12.	—	Тревожно-боязливый тип	Сензитивный тип
13.	—	Циклотимический тип	Циклоидный тип
14.	—	Аффектно-экзальтированный тип	Лабильный тип
15.	—	Эмотивный тип	Лабильный тип
16.	—	—	Конформный тип

Даже при беглом взгляде на эту таблицу видно, что у трёх представленных подходов много общего — и это не удивительно: ведь все три школы работали с одним и тем же массивом психических симптомов. Скорее удивляет другое — почему они всё же **настолько** различны? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к вопросам методологии науки. Это мы сделаем несколько позже — после анализа (табл.1).

Конечно, учёного-соционика приятно поражает появление числа шестнадцать, хотя представителем эмпирического или позитивистского подходов это может быть воспринято как чистая случайность. И в самом деле, если бы специалисты представленных школ обнаружили большее количество типов, то их суммарное количество было бы другим. Но и это предположение можно подвергнуть сомнению — ведь, возможно, дополнительные типы лишь заполнили бы пустоты в таблице.

Однако, когда учёный-соционик вчитывается в описания представленных категорий, он узнает, по крайней мере в некоторых из них, пусть и недостаточно четкие, но всё же приемлемые в первом приближении признаки соционических типов. Так, с третьей строкой таблицы (истерия, демонстративный тип, истероидный тип) легко можно сопоставить самого демонстративного в соционе типа — ●□(СЭЭ) («Наполеон», «Цезарь», «Политик»). Да, люди этого типа не просто стремятся быть в центре внимания, но он располагают необходимыми для этого средствами и умеют оказаться и оставаться в центре внимания своего окружения. Конечно, надо учитывать, что приведённые типологии дают описание личности, учитывающее, прежде всего, её патологические проявления.

Седьмая строка таблицы могла бы вполне соответствовать ▲■(ИЛИ) («Бальзак», «Критик»), восьмая — ▲□(ИЛЭ) («Дон Кихот», «Искатель»), девятая — ■△(ЛИЭ) («Джек», «Предприниматель»). Увы, без натяжек здесь не обойтись, но, повторяю, в первом приближении такое сопоставление представляет интерес. В дальнейшем будут показаны причины таких «натяжек», и это поможет совершенно иначе взглянуть на складывающуюся ситуацию.

Итак, если в таблицу 1 с определенной долей условности подставить соционические типы, то мы получим таблицу 2.

Таблица 2.

	ММРІ	К. Леонгардт	А. Личко	Соционика
1.	Ипохондрия	—	Астено-невротический тип	□● (ЛСИ)
2.	Депрессия	Дистимический тип	—	□▲ (ЭИИ)
3.	Истерия	Демонстративный тип	Истероидный тип	●□ (СЭЭ)
4.	Психопатия	—	Неустойчивый тип	□● (ЭСИ)
5.	Женственность	—	—	○■ (СЭИ)
6.	Паранойальность	Застревающий тип	—	●□ (СЛЭ)
7.	Психастения	Педантичный тип	Психастенический тип	△■ (ИЛИ)
8.	Шизоидность	—	Шизоидный тип	▲□ (ИЛЭ)
9.	Гипомания	Гипертимический тип	Гипертимный тип	■△ (ЛИЭ)
10.	Интроверсия	—	—	○■ (СЛИ)
11.	—	Возбудимый тип	Эпилептоидный тип	■○ (ЭСЭ)
12.	—	Тревожно-боязливый тип	Сензитивный тип	□▲ (ЛИИ)
13.	—	Циклотимический тип	Циклоидный тип	▲□ (ИЭЭ)
14.	—	Аффектно-экзальтированный тип	Лабильный тип	■△ (ЭИЭ)
15.	—	Эмотивный тип	Лабильный тип	△■ (ИЭИ)
16.	—	—	Конформный тип	■○ (ЛСЭ)

Здесь трудно согласиться, что шкале «женственность» в ММРІ соответствует тип ○■ (СЭИ) («Дюма», «Посредник»), особенно в его мужской ипостаси. Хотя всё-таки «Посредник», всё-таки хранитель домашнего очага, или как называет этот тип Г. А. Шульман, «Домовой». Трудно также согласиться, что шкале «социальная интроверсия» должен соответствовать ○■ (СЛИ) («Габен», «Мастер»), хотя в описании этой шкалы ММРІ стоит: «Высокие оценки по шкале SI бывают у лиц, которым не хватает равновесия и уверенности в человеческих отношениях. В обществе они легко тушуются, чувствуют скованность, нервничают, легко теряют душевное равновесие. Возможно, по этой причине они держатся холодно и отчужденно. Однако они не аффектированы в своей отчужденности, просто стараются соблюдать дистанцию, держаться в стороне, ничему не противясь, уважают права других и не навязывают своих собственных взглядов [8]». «В обществе они легко тушуются...» — конечно, это не про ○■ (СЭИ), □● (ЭСИ) или △■ (ИЭИ) — соционических интровертов, прекрасно чувствующих себя именно в обществе других людей. Не подойдут под это описание и те типы, у которых этика нормативна (□▲ (ЛИИ), □● (ЛСИ)) — они приспособлены к поведению в обществе. Больше всего описание подходит тем, у кого эмоциональность связана с четвертой функцией, а это как раз ○■ (СЛИ), ну и ещё △■ (ИЛИ) («Бальзак», «Критик»), но последний всё-таки «Критик» и способен выдерживать эмоциональный напор ●□ (СЭЭ). Так что всё-таки под приведённое описание шкалы SI максимально подходит именно ○■ (СЛИ). Просто дело в том, что смысл этой шкалы в ММРІ не совпадает с тем, как интроверсия понимается в соционике.

Учитывая всё вышеизложенное, можно высказать предварительное предположение, что, возможно, из гипотетического базового множества человеческих типов, характеризующих поведение практически здорового человека, три рассмотренные типологии, опираясь на представления о патологических проявлениях психики, по-разному выбрали свои шкалы или акцентуацию. По каким-то причинам этот ограниченный выбор, возможно, не повлиял на эффективность клинической работы с этими шкалами. Возможно, проявился какой-то компенсирующий эффект. Ответ на этот вопрос будет получен позже.

Приведённый случай с тремя типологиями можно рассматривать как удивительный прецедент в науке. Исследователи работали с одним и тем же объектом, но получили различные результаты. Конечно, здесь уместно вспомнить о принципе неопределенности, в соответствии с

которым результат измерения и, в общем случае, исследования, зависит от особенностей и погрешности измеряющего инструмента исследователя (вспомним знаменитую табличку Г. Шульмана!), и это кое-что объясняет, но не всё. По-видимому, более глубокой причиной эмпирической ограниченности упомянутых типологий является позитивистская установка на отказ от решения вечных философских вопросов, якобы противопоказанных серьезной науке, и вместе с тем отказ от полного теоретического решения проблемы. Все эти типологии ограничивались тем, что устраивало исследователей в их практической работе.

Первый вопрос, который нужно ставить при рассмотрении подобных типологий, это вопрос об их полноте. Каким образом мы можем быть гарантированы от того, что в той или иной из них не пропущены какие-либо важные элементы, что в них учтено всё, относящееся к предмету? Как показывает рассмотренный случай, в случае эмпирических типологий никаких особых гарантий просто быть не может.

Следующим вопросом при оценке любых типологий и классификаций является вопрос о независимости входящих в них элементов. При оценке каждой из представленных типологий можно обратить внимание на то, что у некоторых из выделенных типологией понятий-типов есть общие свойства и, таким образом, они не являются ортогональными, или, что то же самое, полностью независимыми. Так, в ММРІ для шкал «Ипохондрия», «Депрессия», «Женственность», «Психастения» и «Интроверсия» объединяющим признаком является *интроверсия*, как она понимается в соционике. Общие признаки есть и у понятий двух других типологий. Так что необходим более глубокий анализ получаемого эмпирического материала с целью выявления фундаментальных факторов, стоящих за ними. Но именно этого исследователи и не сделали, и возможно, именно потому, что мировоззренческие и методологические позиции являются для них непреодолимым ограничением.

Попытка пойти дальше эмпирического уровня предпринята в работе [8], где В. М. Мельников и Л. Т. Ямпольский в своих теоретических разработках в качестве инструмента используют факторный анализ, в результате которого выделяется несколько групп факторов различного уровня, с разных сторон описывающих выбранное ими эмпирическое множество признаков (единичных психологических черт) и типов (интегральных характеристик личности). В качестве задачи своего исследования ими выдвинуто сопоставление «понятий-типов» и «понятий-черт» с целью «разбиения их на *однородные группы* с последующей заменой каждой из групп новым понятием, являющимся функцией от исходных. Существенно, что речь идёт не просто о группировке понятий, а о построении *новой системы понятий*, интегральной относительно обоих подходов». [1] Кстати сказать, В. М. Мельников и Л. Т. Ямпольский в своей книге посвящают раздел построению модели личности, однако, несмотря на замечательную работу, проделанную ими, эта модель представляет собой лишь первичное обобщение эмпирического материала. Здесь мы не будем приводить её, а желающих ознакомиться с ней отсылаем к работе [8].

Авторы работы полностью описывают методологическую структуру своего исследовательского аппарата, что дает возможность дать его теоретический анализ. Они также используют математические алгоритмы, позволяющие произвести оптимальную группировку признаков относительно выбранных критериев и представить факторы в виде линейных комбинаций соответствующих признаков. В. М. Мельниковым и Л. Т. Ямпольским учитывается, что «качество разбиений и их содержательность существенно зависят от того, *сколько* выделяется факторов», и что «в случае неправильного задания числа факторов полученная комбинация не будет отражать структуру исследуемого явления». Поэтому ими производится последовательный ряд расчётов, в результате которых получается несколько групп факторов, из которых далее выбирается наилучшая. А поскольку выбор оптимального варианта не может быть сделан лишь на основе статистических показателей, то для такого выбора используются определенные теоретические критерии: *интерпретируемость, гомогенность, контрастность, устойчивость и информационная надежность*.

Интерпретируемость факторов понимается как степень соответствия теоретическим представлениям о структуре индивидуально-психологических особенностей личности.

Гомогенность, или внутренняя однородность факторов, оценивается долей признаков, тесно связанных с фактором. Для выделения соответствующих факторов используется пороговое значение коэффициента корреляции признаков с соответствующим фактором.

Контрастность факторного решения тем выше, чем выше связи между признаками, формирующими фактор, по отношению к связям между факторами. Так, определяемая контрастность используется авторами, чтобы обойти естественное требование ортогональности факторов.

Устойчивость основной структуры факторов понимается как сохранность факторов с увеличением числа их групп. Для её оценки используется вычисляемый по формулам показатель сопряженности двух последовательных группировок факторов.

Информационная устойчивость обеспечивается за счёт объединения в факторе большого числа взаимосвязанных признаков.

Кроме анализа различных группировок признаков в факторе, авторы производили оценку самих признаков на близость к общей структуре остальных признаков и на их устойчивость. Признак считается близким к общему множеству признаков, если он входит в состав фактора с высокими нагрузками, то есть является существенным для характеристики данного фактора. Признак считается устойчивым, или надежным, если он постоянно группируется с одними и теми же признаками, а не меняет своего положения в группах признаков.

Авторы используют литературные данные своих предшественников, где из шкал ММРІ и опросника Кеттелла выделены четыре фактора, и в результате собственных экспериментов они получают два результата — с четырьмя, не полностью совпадающими с результатами предшественников, и шестью факторами, в различной степени отличающимися от описанных в литературных источниках. Это факторы «Духовная организация», «Экстраверсия», «Психотизм», «Тревожность», «Невротизм» и «Контроль поведения». Несмотря на интереснейшую работу, проведённую авторами, и хорошо отработанную методологию, используемую в исследовании, остается впечатление неоднозначности, неполноты и даже необязательности полученного множества факторов, хотя не приходится сомневаться в возможности их практического использования и эффективности для экономного описания индивидуально-психологических особенностей личности.

Чтобы оценить рассматриваемую ситуацию с методологической точки зрения, надо обратиться к сопоставлению и противопоставлению эмпирического и теоретического. В истории науки эта оппозиция неоднократно была и продолжает оставаться и в наше время в поле зрения учёных, и частные решения данной проблемы в науке имеются. Однако остается впечатление, что окончательно эта проблема так и не была решена. Как тут не вспомнить Секста Эмпирика с его тропами, утверждающими недостоверность человеческого познания, а вместе с ним агностиков, нигилистов, позитивистов и бихевиористов. Хотя между некоторыми из этих гносеологических школ существует громадная разница, общим у них является то, что они лишь находят удобную для своего теоретического существования гносеологическую нишу, что вовсе не снимает с повестки дня необходимость дальнейшего продвижения в человеческом познании, поскольку не решает вечных философских, читай, методологических вопросов. Но если скептики просто отрицали достоверность знаний, то позитивисты отбрасывают ту часть познания, которую они считают оторванной от прагматической конкретности и используют трудно верифицируемые, с точки зрения позитивизма, теоретические конструкции. Но, может быть, всё-таки человечество в своем поступательном развитии способно дорасти до любого наперед заданного уровня сложности, и то, что сегодня позитивистски настроенным учёным кажется неподъемным, завтра станет в ряд современных технологий.

Итак, вернёмся к рассмотрению полярной пары категорий «эмпирическое — теоретическое». Дадим необходимые определения. **Эмпирическое** — это непосредственно воспринимаемое человеческими органами чувств или же воспринимаемое теми же органами чувств, но уже с использованием дополнительных приспособлений — инструментов, машин, приборов. **Теоретическое** — это то, что привносится в эмпирическое человеческим интеллектом: отбор, упорядочивание, классификация, анализ, приведение в систему, построение теории.

Учитывая это, можно сказать, что теоретическое порождается человеческим интеллектом и в этом смысле является его функциональным синонимом.

Рассматривая проблему соотношения эмпирического и теоретического, уместно вспомнить Иммануила Канта, внесшего в научный обиход противопоставление аналитических и синтетических суждений. Заодно подчеркнём, что, казалось бы, предельно абстрактные идеи философов всех времён и народов имеют самое непосредственное отношение к передовой линии познания в наше время. Попытка отмахнуться от философии приводит к тому, что исследователи так или иначе повторяют историческое развитие философских идей, но делают это, как правило, непрофессионально и вынуждены снова и снова сталкиваться со старыми парадоксами мышления.

Суть проблемы сводится к тому, что некоторые суждения человеческий интеллект воспринимает как истинные а priori, то есть не опираясь на опыт, и не прибегая к нему, не проводя экспериментов, а истинность других может быть подтверждена только на опыте. Можно спорить, действительно ли за аналитическими суждениями не стоит никакого опыта, но очевидно, что это должен быть какой-то другой вид опыта, например, опыт всего человечества, и этого достаточно, чтобы противопоставить два вида суждений. Но можно подойти к этому вопросу и с другой стороны. Будем исходить из того, что эмпирический материал, являющийся источником синтетических суждений, обрабатывается человеческим интеллектом — источником аналитических суждений. Все тайны теоретических построений хранятся в устройстве интеллекта — не в тех категориях, которыми он оперирует, — они лишь маскируют от него самого его наиболее глубоко запрятаные субстраты. Ту тонкоматериальную основу интеллекта, которая всё ещё остаётся проблематичной для науки, то есть и в определённом смысле для интеллекта тоже. Проблема здесь заключается в том, что личность, отождествляя себя с интеллектом, не способна использовать его для обнаружения его же собственной основы, подобно тому, как глаз, наблюдая за внешними объектами, не может видеть самого себя.

Не будем более углубляться в проблему гипотетической тонкоматериальной основы интеллекта, а лишь примем (в качестве гипотезы), что способность интеллекта порождать аналитические суждения отражает эволюционный процесс его приспособления к окружающему миру.

Учитывая сказанное, можно сделать вывод, что человеческое познание представляет собой арену, на которой эмпирические факты встречаются с интеллектом, который и превращает их в теорию, и теория будет тем более фундаментальной, чем более глубокие слои структуры интеллекта используются для её разработки.

Примером неполноценной в теоретическом отношении разработки в психологии может служить нейрофизиологическое обоснование темпераментов знаменитым русским физиологом И. П. Павловым. Экспериментально выявив такие параметры нервной системы и, стало быть, высшей нервной деятельности, как уравновешенность и неуравновешенность, подвижность — инертность, силу — слабость, он сопоставил их с гиппократовскими темпераментами и получил следующее соответствие (табл. 3).

Таблица 3

Темперамент	Уравновешенность	Подвижность	Сила
Холерический	—	+	+
Сангвинический	+	+	+
Флегматический	+	—	+
Меланхолический	—	+	—

Однако из абстрактных и методологических соображений совершенно ясно, что три системных фактора, в качестве которых выступают атомарные признаки высшей нервной деятельности, должны порождать восемь различных типов поведения, и таким образом в таблице должны появиться ещё четыре строки (табл. 4). О теоретической «неправильности» таблицы 3 можно судить по отсутствию симметрии в расположении знаков плюс и минус. Правильно (регулярно) расставив знаки (табл. 4), можно обнаружить места известных и места неизвестных темпераментов — так проявляется прогностический эффект морфологической таблицы. Если бы

И. П. Павлов или его последователи, например, Е. Теплов и В. Небылицын, поднялись до такого, теоретического обобщения, они бы сумели расширить элементную базу теории темпераментов. Ограниченность позитивистской методологии помешала сделать это советским учёным, и честь введения восьмиэлементной системы темпераментов досталась западным учёным.

Таблица 4

Темперамент	Уравновешенность	Подвижность	Сила
Сангвинический	+	+	+
?	+	+	–
Флегматический	+	–	+
?	+	–	–
Холерический	–	+	+
Меланхолический	–	+	–
?	–	–	+
?	–	–	–

В Западной Европе психологи, давая matrimoniaльные рекомендации, исходят из минимального набора понятий, характеризующих психофизиологические реакции людей. К таким понятиям относятся **возбудимость, активность, краткость — длительность** ощущений и нервных реакций. Обратим внимание на то, что здесь в качестве атомарных параметров высшей нервной деятельности выбраны иные, нежели у И. П. Павлова признаки. Это указывает либо на то, что признаки, которые мы принимаем за атомарные, на самом деле таковыми не являются, и за ними стоят ещё более фундаментальные элементы, либо на то, что декомпозиция выбранного уровня психической деятельности на базовые компоненты может быть произведена не единственным способом, либо и на то и на другое одновременно. Отсюда могут следовать далеко идущие теоретические идеи. Эти понятия были введены в психологию ещё в начале века голландскими психологами Хеймансом и Вирсмой. Всевозможные комбинации из этих базовых элементов дают восемь типов психофизиологического реагирования (табл.5).

Таблица 5

Темперамент	Возбудимость	Активность	Длительность
Пылкий	+	+	+
Холерический	+	+	–
Чувствительный	+	–	+
Нервический	+	–	–
Сангвиник	–	+	+
Меланхолический	–	+	–
Флегматик	–	–	+
Беспечный	–	–	–

Оказалось, что в число этих типов входят и классические темпераменты, о которых упоминает ещё Гиппократ. Так, например, холерическому темпераменту соответствует сочетание возбудимый — активный — короткоощущающий, а флегматик — это невозбудимый — активный — длительноощущающий. Замечательным здесь является то, что, как оказывается, классический набор из четырёх темпераментов получился неполным — к ним ещё добавились нервический (возбудимый — неактивный — короткоощущающий), чувствительный (возбудимый — неактивный — долгоощущающий), пылкий (возбудимый — активный — долгоощущающий) и беспечный (невозбудимый — неактивный — короткоощущающий). Таким образом, то, что многие годы, а в официальной советской психологии до сих пор, считалось само собой разумеющимся, оказалось лишь частью более развитой системы. Правда, некоторая критика систем темпераментов была — делались выводы, что чистые темпераменты встречаются довольно редко, а в большинстве случаев реальный темперамент является смесью базовых, и были предложены

методики, по которым можно определить процент холеричности, сангвиничности, флегматичности и меланхоличности у конкретного человека. Однако в техническом отношении здесь можно усмотреть определенный дефект: так как сложное — реальный темперамент — выражалось через сложное же и недостаточно объяснённое — набор базовых темпераментов, которые использовались вместо отсутствующей более развитой системы. Впрочем, в работе П. В. Симонова и П. М. Ершова представлено научное объяснение темпераментов как составных образований, зависящих от совместной работы и соотношения функций таких мозговых структур как лобная кора, гипоталамус, миндалина и гиппокамп [9].

Эти авторы исходят из того, что поведение человека на самом общем уровне определяется двумя параметрами: удовлетворением собственных потребностей и учётом происходящих вокруг событий. Выделение доминирующей потребности осуществляется мотивационной подсистемой мозга, в которую входят миндалина и гипоталамус. При этом гипоталамус отвечает за первоочередные, острые, доминирующие, а миндалина — за дополнительные, несрочные, субдоминантные потребности. Передние отделы неокортекса ориентируют поведение человека на сигналы высоковероятных событий, и при этом одновременно тормозятся сигналы с малой вероятностью подкрепления. Ориентация на сигналы высоковероятных событий делает поведение адекватным и результативным, однако в особых условиях, в ситуациях со значительной степенью неопределенности и при явном дефиците прагматической информации необходимо учитывать и возможность маловероятных событий. За эту функцию отвечает гиппокамп, тем самым дополняя деятельность лобных отделов коры.

На основании сказанного, нетрудно представить себе особенности поведения в случае преобладания тех или иных физиологических блоков. Так, если, в определенной мере, преобладает сочетание «гипоталамус — лобная кора», то поведение субъекта будет ориентировано не просто на удовлетворение доминирующей потребности, оно будет целеустремленно направленным на сигналы объектов, способных удовлетворить эту потребность. Всё, что будет отвлекать субъекта от выполнения этой задачи, — конкурирующая мотивация и сигналы, отвлекающие от продвижения к намеченной цели, — будут игнорироваться. Таким образом, поведение субъекта отличается импульсивностью и стремительностью, что легко сопоставить с проявлениями холерического темперамента. Интересы такого человека постоянны и устойчивы, но он не терпится и при встрече с трудностями, упорен в их преодолении.

В случае преобладания сочетания «миндалина — гиппокамп» субъекту, с одной стороны, будет трудно выделять доминирующий мотив, а, с другой — он будет реагировать на широкий спектр малозначимых для удовлетворения потребностей сигналов, в чем можно распознать черты меланхолического темперамента. Здесь человек оказывается болезненно чувствительным к мелочам, легко теряется, смущается, не уверен в себе.

Если же преобладает сочетание «гипоталамус — гиппокамп», то доминирующая потребность выделяется легко, но при этом могут использоваться сигналы событий, которые ведут к достижению цели с лишь с малой вероятностью. Человек настойчив, энергичен, работоспособен, но только тогда, когда ему интересно, в противном же случае — легко отвлекается. Ему нетрудно привыкнуть к новой обстановке или придерживаться дисциплинарных рамок. Это сильный, уравновешенный, подвижный тип — сангвиник.

И, наконец, при преобладании сочетания «миндалина — лобная кора» у субъекта будут хорошо сбалансированы потребности без особенного акцентирования на какой-либо из них. Такой человек будет игнорировать множество происходящих вокруг него событий. Побудить к деятельности его могут только высокозначимые сигналы. Он терпелив, выдержан, прекрасно владеет собой, от намеченной цели не отвлекается. Однако переключиться на решение новых задач трудно, к новой обстановке привыкает с трудом. За этим описанием можно узнать флегматика.

Подчеркнем ещё раз, что в приведённых выше описаниях темпераментов даются достаточно отличающиеся между собой их причинные обоснования, так что можно поставить перед психологами и физиологами вопросы: какое из приведённых обоснований истинно? Важно ли то, что какое-либо из них истинно? Что такое истина в психологии и физиологии? Или всё это лишь игра в парадигмы?

Здесь также хотелось бы предостеречь от встречающейся среди социоников детской болезни отождествления различных типологий. Например, двумя киевскими социониками в 1987 году была сделана попытка однозначно связать соционические типы с конкретными темпераментами. Для этого не использовались никакие особые теоретические разработки, а просто на основании интуитивной «прикидки», например, ▲□ (ИЛЭ) раз и навсегда был приписан холерический темперамент, ○■ (СЭИ) — флегматический, ■○ (ЭСЭ) — сангвинический, а □▲ (ЛИИ) — меланхолический. Аналогичные сопоставления были сделаны и в остальных квадрах. Представляется, что такие сопоставления, возможно, и соблазнительны, но весьма легкомысленны. Чтобы делать такие сопоставления, нужно глубоко разобраться в исследуемом явлении. Разумнее относиться к разработанным к настоящему времени типологиям, как к инструментам, приспособленным к решению вполне определенных задач, и не обобщать их применение в случаях, к использованию в которых они не предполагались¹.

Сравнение и анализ трёх приведённых выше психологических типологий показывает, что при их разработке исследователи использовали самый поверхностный слой аналитических средств интеллекта, а сами типологии носят предельно эмпирический характер². Но в любом случае мы должны быть благодарны ученым, проделавшим бесценную эмпирическую часть работы. Не исключено также, что разработчики рассматриваемых типологий могли бы довести свои типологии до максимально высокого теоретического уровня, если бы не ограничивали свои методологические установки рамками сознательно или неосознанно принимаемого позитивизма, который в лице своих основоположников О. Конта и Г. Спенсера (по специальности инженера-железнодорожника) фактически отказался от философского и значительной части методологического наследия, накопленного человечеством.

Человек сложен, и втиснуть его в какую бы то ни было упрощенную схему, очевидно, невозможно. По крайней мере, система описания человека должна быть сопоставима с его сложностью. С другой стороны, полезно иметь разнообразные психологические ориентировки, помогающие разобраться, объяснить и предвидеть хотя бы некоторые элементы поведения конкретного человека или его совместного поведения с той или иной группой людей. Попытка выделить повторяющиеся психологические особенности и на их основе ориентироваться в контактах и работе с людьми делаются с древнейших времен. К ним, в частности, относятся гороскопические, астрологические, хиромантические, физиогномические и графологические характеристики.

Классическая психология в силу определённых причин была противопоставлена древнему знанию. Основное значение здесь имеет то, что древнее знание, в силу его эзотерического характера непосвященными пользователями было искажено и в значительной степени профанировано. В результате были утрачены ключи к его пониманию, а психологии пришлось всю работу начинать с самого начала. Разумным компромиссом здесь могло быть отношение к донаучным наработкам человечества как к заслуживающему внимания предварительному этапу в развитии психологии с необходимостью глубоко в нём разобраться и сохранить всё ценное.

Интересно рассмотреть аспекты выбора основных элементов в различных системах описания личности. При этом предлагается к таким системам, как астрология, хиромантия и т. п., относиться не с предвзятых позиций как к лженаучным, а рассматривать их как систематизацию некоторого опыта, собранного и обобщённого на другой методологической основе, который мог бы быть использован после критической переработки с современных позиций.

В астрологии в качестве основных элементов используются понятия планет, как неких сущностей, способных оказывать влияние на формирование характера человека в зависимости от их положения на небе в момент его рождения. В астрологии, в частности, считается, что, например, Луна влияет на состояние здоровья, грацию, непостоянство; Солнце — на происхождение, положение в обществе, достоинство, независимость, тщеславие, самолюбие; Юпитер — на обогащение, славу, доброжелательность, веселость, чванливость, расточительность;

¹ Точно так же предпринимались попытки установить однозначное соответствие между соционическими типами и астрологическими знаками, но, похоже, что эти связи значительно сложнее.

² Гегель такой уровень называл «ползучим эмпиризмом».

Нептун — на гений, вдохновение, безумие, поглощенность одной мыслью и склонность к душевным переживаниям; Сатурн — на стойкость, верность, лживость, подозрительность, странность, чудачество; Марс — на энергию, борьбу, предприимчивость и т. д. Для оценки положительных или отрицательных воздействий планет разработан сложный аппарат составления и интерпретации гороскопа, который представляет собой своеобразную психологическую логику прочтения и истолкования базовых символов.

В качестве элементов психики могут фиксироваться различные непосредственно наблюдаемые её проявления или же более сложно определяемые её феномены (операции абстракции, обобщения, конкретизации, комплементации, корреляции и другие)

Сравнивая различные подходы к описанию индивидуально-психологических особенностей личности древними и современными психологическими системами, можно обнаружить два принципиально отличающихся друг от друга подхода. Один из них основан на выделении черт, единичных особенностей, простых свойств личности и её поведения. К таким системам относятся, например, физиогномика, хиромантия и графология. В этих системах характер человека как бы «собирается» из отдельных элементов. Например, в физиогномике считается, что цвет глаз от темного к светлому, указывает на способности к обучению: люди с более темными глазами быстрее обучаются практическим навыкам и усваивают доступную им информацию, но так же легко забывают её и переучиваются, а люди с более светлыми — усваивают медленнее, но, усвоив, цепко держатся за неё. Прямые брови указывают на аналитический характер ума, вздернутые брови — на капризность, опущенные брови — на меланхоличность. В хиромантии, например, соотношение крайних фаланг большого пальца истолковывается, как соотношение между умом и эмоциональностью. В графологии обратный наклон букв связывается с повышенным упрямством и т. д.

Напротив, в астрологии положение Солнца (но, конечно, не только его) в знаке выделяет целый тип людей, которые могут значительно отличаться друг от друга в деталях, но будут обладать интегральным свойством, объединяющим их в определенном отношении. Так считается (по определению и подтверждается наблюдением), что все Овны, например, в конкретных проявлениях демонстрируют импульсивность и в первую очередь действуют от себя, в то время как Весы при прочих равных условиях склонны считаться с мнением других людей.

Аналогичную картину можно видеть и в психологии. Кеттелловские факторы демонстрируют «признаковый» подход, а например, акцентуации К. Леонгарда описывают типы человеческого поведения. Удивительным доказательством связи между этими двумя подходами явилась соционика.

Аушра Аугустинавичюте сумела совершенно по-новому взглянуть на типологию К. Г. Юнга. В её интерпретации типы К. Г. Юнга обрели предельную конкретность и глубину. Теперь, работая с моделями ТИМов, соционики во многом по-другому, точнее и обстоятельнее понимают экстраверсию и интроверсию, рациональность и иррациональность, понимают трудности, с которыми сталкивался гениальный австрийский психолог, и оказываются способными обнаруживать в его описаниях типов неточности и даже ошибки. И в этом нет ничего удивительного, — ведь они пользуются таким тонким и даже, если можно так выразиться, изящным инструментом, который представляет собой модель «А». Используя метафору, можно сказать, что К. Г. Юнг рассматривал свои создания невооруженным, хотя и гениальным глазом, современные же соционики пользуются для той же цели микроскопом, в качестве которого выступает модель «А».

После того как Аушра Аугустинавичюте построила свои модели и тем самым вдохнула новую жизнь в типологию К. Г. Юнга, начался интенсивный рост новой науки. И вскоре Г. Рейнин математически обосновал существование пятнадцати дифференцирующих признаков, используя которые социон можно разделить пятнадцатью способами на полярные октавы. Эти признаки Аушра Аугустинавичюте фактически описала в своей работе «Признаки Рейнина», так что, кстати, было бы правильнее называть их признаками Рейнина-Аушры. Отметим также, что каждый дифференцирующий признак представляет собой полярную пару психологических качеств.

Как выяснилось в дальнейшем (О. Б. Карпенко, С. И. Чурюмов), этих признаков должно быть шестнадцать, а таблица, связывающая эти признаки и типы в своем законченном виде может выглядеть следующим образом.

Таблица 6

	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	ИО
▲□ (ИЛЭ)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	Т
○■ (СЭИ)	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	Д
■○ (ЭСЭ)	+	+	-	-	+	+	-	-	+	+	-	-	+	+	-	-	А
□▲ (ЛИИ)	+	-	-	+	+	-	-	+	+	-	-	+	+	-	-	+	З
■▲ (ЭИЭ)	+	+	+	+	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-	П
□● (ЛСИ)	+	-	+	-	-	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+	-	р
●□ (СЛЭ)	+	+	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-	+	+	д
Δ■ (ИЭИ)	+	-	-	+	-	+	+	-	+	-	-	+	-	+	+	-	м
■Δ (ЛИЭ)	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	квт
□● (ЭСИ)	+	-	+	-	+	-	+	-	-	+	-	+	-	+	-	+	К
●□ (СЭЭ)	+	+	-	-	+	+	-	-	-	-	+	+	-	-	+	+	Сэ
Δ■ (ИЛИ)	+	-	-	+	+	-	-	+	-	+	+	-	-	+	+	-	пп
▲□ (ИЭЭ)	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	РД
○■ (СЛИ)	+	-	+	-	-	+	-	+	-	+	-	+	+	-	+	-	ПД
■○ (ЛСЭ)	+	+	-	-	-	-	+	+	-	-	+	+	+	+	-	-	ПЗ
□▲ (ЭИИ)	+	-	-	+	-	+	+	-	-	+	+	-	+	-	-	+	ПК

Эта таблица показывает, что, с одной стороны, каждый признак определяется противопоставлением одной полярной октавы другой, а с другой стороны, каждый тип определяется противопоставлением положительных полюсов одной октавы дифференцирующих признаков отрицательным полюсам другой октавы. Таким образом, можно говорить о полной симметрии между типами и признаками, что, кстати, хорошо видно из таблицы 6 — она симметрична относительно нисходящей диагонали. Учитывая структуру таблицы, можно утверждать также, что эти две системы психологических категорий являются взаимно ортогональными. Думается, что этот вывод полностью решает проблему соотношения признаков и типов и отвечает на вопрос о противопоставлении «модельного» и «признакового» подходов к диагностике типа личности, а также о соотношении понятий характера и типа — понятия взаимно ортогональны и тем самым имеют равные права на репрезентацию индивидуально-психологических особенностей личности. Из сказанного также следует, что признаки Рейнина-Аушры должны иметь модельное представление, аналогичное моделям ТИМов.

Изучая таблицу 6, можно понять, что для выделения типа в этой системе не обязательно брать восемь признаков — можно обойтись и четырьмя, но не любыми. Как показал в своей работе Г. Рейнин [12], базис для построения соционической типологии можно выбрать многими различными способами. По-видимому именно это, и приводит к высокой устойчивости такой типологии. Здесь под устойчивостью понимается воспроизводимость семантического поля типологии по её фрагменту. Именно этим можно объяснить относительную эффективность типологий К. Леонгарда, А. Личко и ММРІ. Эти типологии не отвечают требованиям полноты и независимости, но признаки, стоящие за представленными там типами, покрывают семантику непредставленной части типологии, и поэтому практическое использование этих трёх типологий оказывается эффективным.

Хотя понятие типа в психологии в рамках различных типологий используется давно, но соционика вопрос об определении понятия типа поставила по-новому, предложив модель типа и тем самым четко очертив его границы и наполнив новым содержанием. То же самое можно

сказать и о характере, который представляет собой комплементарное к типу описание индивидуальных особенностей личности.

Эти вопросы возвращают нас к давней проблеме в психологии: характер человека — это единое качество или набор психологических черт?

Опираясь на опыт соционики и отвечая на поставленный вопрос, можно сформулировать следующий постулат: *любой набор дискретных психологических свойств человека может выступать как цельное качество с соответствующими интегральными эффектами (тип) и морфологическими признаками.* Этот постулат отвечает на вопрос о том, как набор психологических характеристик превращается в тип.

Если в соционической типологии взять лишь один дифференцирующий признак, то он разделит социон на две октавы. Если каждую из этих октав рассматривать как обобщенный субъект, то можно будет говорить о двух типах субъектов, у каждого из которых имеется единственный признак, отличающий его от другого, по всем же остальным признакам они неразличимы. Так, например, если взять октаву экстравертов, то по всем остальным признакам, кроме экстраверсии, она ничем не отличается от октавы интровертов. И в той и в другой октаве присутствует логика и этика, интуиция и сенсорика, рациональность и иррациональность, динамика и статика, позитивность и негативность, деклатимность и квестимность и все остальные. Таким образом, в этом случае тип характеризуется единственной чертой, и тогда признаковый подход к описанию субъекта поведения оказывается совпавшим с типологическим.

Если же подходящим образом объединить два дифференцирующих признака, то всё множество типов будет разбито на четверки — квадраты, которые также можно рассматривать как интегральные типы поведения и найти подходящие термины-понятия, описывающие их как цельности. Вопрос о выделении пар дифференцирующих признаков, с помощью которых могут быть определены соответствующие им обобщенные квадратные типы, в настоящее время нельзя считать полностью исследованным.

Л и т е р а т у р а :

1. Kretschmer E. *Medizinische Psychologie.* — Berlin. 1922.
2. *Аугустинавичюте А.* Теория признаков Рейнина. //Соционика, ментология и психология личности. №№ 1–6. 1998.
3. *Гамезо М. В. Домашенко И. А.* Атлас по психологии. — М., Просвещение. 1986.
4. *Гуленко В. В. Молодцов А.* Основы социоанализа. — Киев. 1991.
5. *Кант И.* Критика чистого разума. Сочинения. Том 3. — М., Мысль. 1964.
6. *Кондаков Н. И.* Логический словарь-справочник. — М., Наука. 1976.
7. Краткий психологический словарь. Редактор А. В. Петровский. — М., Политиздат. 1985.
8. *Мельников В. М. Ямпольский Л. Т.* Введение в экспериментальную психологию личности. — М., Просвещение. 1985.
9. *Рейнин Г. Р.* Морфология малых групп. //Соционика, ментология и психология личности. № 3. 1996.
10. *Робер М-А. Тильман Ф.* Психология индивида и группы. — М., Прогресс. 1988.
11. *Симонов П. В., Ершов П. М.* Темперамент, характер, личность. — М., Наука.
12. *Шепетько Е. В.* Особенности модели А. — Рукопись.

